

ББК 63.3(2)61
УДК 947.084

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В 1917–1930-х гг.

С. М. Сивков, И. Г. Иванцов

Сегодня, как и много лет назад, с новой силой обострились проблемы государственного устройства страны, взаимоотношений народов, населяющих Россию. В этой связи как нельзя более актуальным является опыт истории России начала XX века. В то время многие известные политики, ученые, деятели различных партий, национальных объединений имели различные взгляды по вопросам национально-государственного строительства России. Особый интерес в этом плане представляют взгляды руководства Кубанского казачества начала XX века на национально-государственную проблематику.

Вопросы будущего государственного устройства Кубани и Черноморья начали активно обсуждаться уже летом 1917 г. Большой резонанс у общественности региона вызвало Государственное совещание, состоявшееся 12–15 августа в Москве. Подводя его итоги, А. Ф. Керенский отметил, что все участники высказали свое мнение о мерах, необходимых для спасения государства [Политические 1993: 381]. Результаты этого совещания обсуждались на Екатеринодарском Войсковом Совете, на котором Н. С. Рябовол впервые сказал о федерации как желательной форме будущего государственного устройства России [Скобцов 1991: 68].

После известных событий второй половины августа 1917 г. ситуация еще более усугубляется. По словам А. А. Сенцова, «под впечатлением разгрома августовской авантюры Корнилова в начале сентября руководство казачьих областей обсудило вопрос о региональной федерации. В Екатеринодаре 20–25 сентября конференция представителей казачьих автономных областей и горцев Кавказа приняла решение о создании „Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей“» [Сенцов 1994: 216]. В союзном договоре основной целью выдвинуто «достижение скорейшего учреждения Российской

демократической Федеративной республики с признанием членом союза отдельными ее штатами» [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Л. 2, 123]. В Черноморской губернии серьезно опасались создания Юго-Восточного союза. Так, председатель Сочинской городской думы Каченовский заявил о возможности поглощения губернии кубанским казачеством, имеющим виды на порты и курорты Черноморья [Реут 1993].

Вторая Рада приняла и утвердила 6–7 октября «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае» [ЦДНИ КК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 208. Л. 1–4: Временные 1917]. Этот документ, ставший фактически конституцией, по мнению Д. М. Сверчкова, «отдал руководящую роль в жизни исключительно казачьему, горскому и коренному иногороднему населению края, оставляя за бортом главную массу неказачьего населения» [Кубанец 1919: 3]. Так же этот документ оценивал и Г. Покровский [Покровский 1923: 17]. Согласно «Временным положениям», Кубанская область переименовывалась в Кубанский край, Войсковое Правительство — в Краевое, Войсковая Рада — в Краевую [Временные 1917: 4]. Коренным жителям в составе правительства края предоставлялось всего 3 места из 10, в том числе 1 для представителей горцев [Скобцов 1991: 69].

После свержения власти Кубанской рады на территории Кубано-Черноморья на короткое время установилась власть Советов, были созданы Кубанская и Черноморская республики, объединившиеся затем в Кубано-Черноморскую советскую республику. Их руководители, с одной стороны, заявляли претензии на некоторую автономию, с другой — считали эти образования неотъемлемой частью Советской России. Главным фактором автономизации, на наш взгляд, являлась попытка уберечь Черноморский флот от захвата германскими и турецкими войсками.

Летом 1918 г. начался конфликт между Кубано-Черноморской республикой и Грузией, претендующей на значительные территории на черноморском побережье. Следует отметить, что национальный состав Черноморской губернии в 1917 г. в процентном соотношении был следующим (в %): русские и украинцы — 63,4; армяне — 10,8; греки — 10,5; грузины — 5; черкесы — 1,8; поляки — 1,5; чехи — 1,2; молдаване — 1,2; евреи — 1,1; эстонцы — 1,1; персы, турки — 1,0; другие народы — 1,3 [НФ ГА КК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 18: Кубано-Черноморский 1922: 42]. Как видно из приведенных данных, грузины не составляли большинства населения губернии.

Этот кризис назревал еще с подписания Брестского договора, которое привело к отдалению Закавказья от России. Закавказский сейм и правительство объявили договор, заключенный без их ведома, лишенным международного права [Фельштинский 1992: 318]. Руководство Грузии, Армении и Азербайджана заявило 9 апреля 1918 г. о создании Закавказской Демократической Федеративной Республики, однако история этого образования была недолгой [Цветков 2008: 9]. При этом новое правительство Грузии отказалось признать вновь образованное правительство Абхазской республики и повело борьбу с ее сепаратистскими действиями. Председатель ВРК Абхазии Е. А. Эшба обратился к руководству Кубано-Черноморской республики с просьбой оказать военную, финансовую и продовольственную помощь [Борьба 1957: 68]. Позднее, 11 мая, руководители Абхазии обратились к В. И. Ленину и Г. К. Орджоникидзе с просьбой об отправке к Сухуми кораблей Черноморского флота [ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 580. Л. 25].

В конце июня 1918 г., в связи с затоплением Черноморского флота в Цемесской бухте, внешнеполитическое положение Кубано-Черноморской республики резко ухудшилось. В день начала интервенции в Цемесскую бухту зашли немецкие и турецкие корабли [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 842. Л. 1], в том числе линейный крейсер «Гёбен», державший в напряжении весь Черноморский флот с осени 1914 г. [Сивков 2010: 69–74]. Позиция Германии способствовала активизации грузинских меньшевиков, претендовавших на округа бывшей Черноморской губернии. По оценке И. П. Осадчего, «их газеты бесцеремонно требовали вос-

становления границ грузинского государства XIV века» [Осадчий 1987: 153]. Претензии на Гагринский округ, включенный в Черноморскую губернию в 1905 г. после постройки здесь курорта, обосновывались ссылками на «исторические границы» бывшего Абхазского царства. Притязания на Сочинский округ, в котором 36 из 50 селений были русскими, 13 «со смешанным пришлым населением», и «только одно грузинское» [Цветков 2008: 10], основывались на «заявлениях общественности», представленных решениями Черноморского крестьянского съезда.

15 июня 1918 г. немецкие войска высадились в Тамани, якобы по просьбе пятерых казаков [Империалистическая 1988: 113–114]. В это же время на территорию Кубани вторглись части Добровольческой армии А. И. Деникина, а 28 июня грузинские меньшевики вступили на территорию Сочинского округа. В районе Кудепсты и Хосты начался антибольшевистский мятеж. 3 июля грузины захватили Адлер и соединились с мятежниками. Советским войскам пришлось отступить. Сочинские руководители в спешном порядке эвакуировались в Туапсе. Одновременно с захватом Сочи (5 июля) временно исполняющий обязанности командующего красноармейскими частями Ковалев перебежал к врагу. Его заменил В. Лакоба. Казаки Белореченского полка, разграбив два вагона с продовольствием на ст. Лоо, самовольно бросили боевые позиции, и уехали домой [Козлов 1972: 68; Осадчий 1987: 154]. На стороне грузин выступили некоторые казачьи подразделения, например, сотня Орехова, состоявшая из 158 человек, — все, что осталось от полка, сформированного в июне в Майкопе и отказавшегося идти на Сухумский фронт [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 168. Л. 1; Борьба 1957: 91–93].

В докладе на утреннем заседании I окружного съезда Совета депутатов Геленджикского округа от 14 июля (по новому стилю) Евменьев отметил: «Чтобы укрепиться на Кубани и на Черноморском побережье, немцы соединились уже с недемократической частью казачества, а благодаря потоплению нашего флота, они теперь полные хозяева как Черного моря, так и всего побережья. В настоящее время Сочи уже занят грузинами...» [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 549. Л. 1–2]. 13(27) июля части генерала Г. И. Мазниева (Мазниаш-

вили) вошли в Туапсе, затем продвинулись до Хадыженской, а по побережью — до Архипо-Осиповки, Пшады и Михайловского перевала [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 168. Л. 1; Д. 105. Л. 4; Осадчий 1987: 153]. В докладе Казачьему отделу ВЦИК указывалось, что при взятии Туапсе, по рассказам очевидцев, грузинские войска проявляли гуманность, никого не расстреливали, противников даже не брали в плен, ограничившись лишь их разоружением [ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 3. Ч. 2. Л. 278]. В связи с активными боевыми действиями Добровольческой армии началось отступление так называемой Таманской армии. Красными частями в районе Туапсе соединение Мазниева было полностью разгромлено [ЦДНИ КК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 583. Л. 11]. По оценке Е. И. Ковтюха, командовавшего 1-й колонной Таманской армии, численность этого соединения достигала 10 тыс. бойцов. «В этой ожесточенной атаке — отмечал он, — почти вся грузинская дивизия была уничтожена» [РГВА. Ф. 244. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2]. На этом фаза противостояния частей меньшевистской Грузии с войсками Кубано-Черноморской республики завершилась, и началось противостояние с Белой армией.

После восстановления советской власти на Северном Кавказе вопрос национально-государственного строительства, учитывая национальные и географические особенности региона, стал одним из ключевых. 9 января 1922 г. коллегия Наркомнаца вынесла решение об образовании Карачаево-Черкесской автономной области, в связи с чем из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области выделилась Черкесия и 6 казачьих станиц. 27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области путем выделения земель из Кубанского и Майкопского отделов [Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012: 134, 143]. Кроме двух автономных областей, на территории Северо-Западного Кавказа было создано 4 национальных района и ряд национальных сельсоветов. Образование национальных административно-территориальных единиц районного и сельсоветского звена на Северо-Западном Кавказе совпадало с аналогичными процессами, происходившими в РСФСР. С определенной долей условности можно выделить три этапа этого процесса:

1. 1920–1925 гг., процесс районирования только начинался и не носил централизованного характера, но учитывал национальный аспект;

2. 1925–1933 гг., период массового зарождения и деятельности национальных административно-территориальных образований этнических меньшинств; о завершении этого процесса было заявлено в декабре 1933 г. на III Всероссийском совещании уполномоченных по делам нацменьшинств;

3. Середина 1930-х гг. – 1950-е гг., период реорганизации, а затем и ликвидации национальных районов и сельских советов по всей стране.

История Армянского национального района ведет свой отсчет с 1925 г. На территории Кубани больше всего армян проживало в Новороссийском (Черноморском) округе — 27 729 чел. Чуть меньше проживало их в Кубанском округе — 21 023 чел., и в Армавирском округе — 19 228 чел. В Краснодаре их было 12 848, в Армавире — 13 768 [Скорик, Федина 2012: 95]. Меньше всего армян проживало в Майкопском округе. Тем не менее, Армянский национальный район был создан на территории Майкопского округа, поскольку здесь было возможно их компактное проживание и на эти земли никто не претендовал. Указом от 22 августа 1953 г. в Краснодарском крае из 72 существовавших тогда районов было упразднено 24, в том числе и Армянский район [Основные 1986: 116, 133].

В течение 1924–1925 гг. в Северокавказском крае были образованы 25 немецких сельских советов, планировалось дополнительное их создание. В начале 1927 г. секретариат Северокавказского крайкома ВКП (б) поручил партийной фракции крайисполкома представить свои соображения о возможности выделения немецких районных административных центров или укрупненных сельсоветов на территории Армавирского либо Кубанского округов [ЦДНИ КК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 744. Л. 8]. Такие возможности были изысканы, и уже через год, 27 февраля 1928 г., на территории Армавирского округа был образован Ванновский немецкий национальный район (Deutschen Nationalkreis Wannowskoje). Центром вновь созданного района стало село Ванновское (некоторое время именовалось Эйгенфельд). Хозяйства немецких колонистов в Армавирском округе являли собой «образец грамотно налаженной работы». Необходи-

димось их сохранения и дальнейшего развития также была (помимо политических) причиной создания Немецкого района. В связи с началом Второй мировой войны немецкое население оказалось под подозрением возможного пособничества Германии, и 4 мая 1941 г. этот район ликвидировали, передав его территорию трем приграничным районам, а осенью немецкое население было *«рассредоточено вглубь страны»*.

Греческий район создали в соответствии с постановлением крайисполкома 27 февраля 1930 г. путем выделения части земель из Крымского района, куда в 1920-е гг. эмигрировали большие группы греков из Турции. Центром нового района стала станица Крымская, которая одновременно была и центром Крымского района. На 4 октября 1934 г. в районе насчитывалось 4 296 хозяйств, из которых было 1 830 греческих. Остальные 2 456 хозяйств были в основном русские. В этих хозяйствах проживало 11 907 русских, 9 341 греков, 562 молдаванина, 433 армянина и 251 из представителей других национальностей. Кроме того, в районе насчитывалось 11 836 неземледельческих хозяйств (в основном русские) семей, которые в основном работали на производстве [ЦДНИ КК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 43. Л. 140]. Административные органы до 1934 г. размещались в станице Крымской, за пределами национального района, а с 1934 по 1938 гг. — в станице Неберджаевской. В 1935 г. в Греческий район полностью вошла территория Крымского района [ЦДНИ КК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 43. Л. 140].

Одной из главных особенностей района было то, что 60% греков, проживавших в районе, были иностранными подданными. Заметной проблемой для властей было поддержание греками-иностранцами связи с посольством Греции [ЦДНИ КК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 49. Л. 105–106]. Необходимо заметить, что количество греков — «иноподданных» была сильно занижено. Подавляющее большинство греков, считавшихся советскими гражданами, скрывали факт своего иностранного подданства. По мнению И. Г. Джухи, не менее 95 % греков были подданными Греции и не собирались принимать советское гражданство [Джуха 2008: 311]. По другим сведениям, иностранных подданных среди греков было 90 % [Хлынина 2007: 96–111]. 22 февраля 1938 г. Греческий район был лишен статуса национального и переименован в Крымский.

В 1924 г. на территории Черноморского (Новороссийского) округа Северокавказского края был образован Шапсугский национальный район. Предыстория его возникновения и обстоятельства, связанные с образованием района, достаточно подробно освещены в литературе [Хлынина 1997: 113–115]. Под воздействием волеизъявления шапсугского народа и в целях улучшения его положения Черноморский окружной исполнительный комитет утвердил провозглашенный 3-м съездом шапсугов национальный район. В его состав вошли аулы Туапсинского района, на территории которых проживало около 4 тыс. шапсугов; административным центром стал город Туапсе, находившийся вне пределов района. После длительных тяжб, препирательств и доказательств неудобства сложившегося положения дел в 1926 г. центром Шапсугского национального района стал аул Красно-Александровский. В 1934 г. центр Шапсугского района был перенесен в село Лазаревское [Основные 1986: 79, 90–93].

Распространение выработанной в 1917–1922 гг. модели национально-государственного устройства на всю территорию государства закладывало основу для обособления на национальной почве, что в определенных регионах приводило к ущемлению прав иного населения, в том числе русского. Так, при проведении перевыборной кампании 1924 г. в Адыгейской (Черкесской) АО, из 32 председателей сельсоветов черкесы составили 27 человек, из 5 председателей райсоветов — 4, из 33 членов областного исполкома — 22. Это явилось следствием утвержденного II областным съездом трудящихся (12–19 декабря 1923 г.) Черкесской автономной области направления на ускорение темпов и углубления «очеркшивания» советского аппарата [Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012: 149], хотя на том же съезде отмечалось отсутствие опытных работников-черкесов. Напомним, что в Адыгее в 1924 г. русские составляли половину населения области [Хлынина 1997: 118].

Создание районных, окружных и областных автономий в Северокавказском крае осложнялось чрезвычайно смешанным территориальным размещением народов, слабостью их социально-экономических ресурсов, неравномерностью развития различных регионов, межнациональными конфликтами. Кроме того, национально-госу-

дарственное строительство на Северном Кавказе нельзя рассматривать вне ряда более масштабных задач, решавшихся ВКП(б) в данный период, в том числе вне общей стратегии национальной политики, а также процессов подавления любой оппозиции и упрочения партийно-государственной власти. Уже в начале 1930-х гг. партийно-государственное руководство было заинтересовано в максимальной централизации власти, в пресечении любого, даже мнимого сопротивления воле партии. Соответственно, в 1930-х гг. меняется вектор административно-территориальных реформ. От создания экономически автономных единиц власть перешла к разукрупнению единиц территориальной системы, чтобы формирующиеся элиты имели меньше возможностей самоорганизации.

В процессе реорганизации системы национальных административно-территориальных образований, начавшемся, как уже отмечалось, в середине 1930-х гг., можно проследить два этапа. На первом этапе (1935–1937 гг.) происходит коренной пересмотр национальной политики, в частности, в отношении этнических меньшинств. В этот период в процессе кампании по разукрупнению административного деления страны начинается завуалированный демонтаж системы низовых национальных образований, осуществляются первые депортации этнических меньшинств по национальному признаку. Ко второму этапу (1937–1939 гг.) относится массовая ликвидация низовых национальных образований в форме районов и сельсоветов, их реорганизация путем лишения специального статуса, переименования, изменения границ [Кайкова 2007: 18–19]. В марте 1939 г. Краснодарский крайком ВКП(б) принял решение преобразовать национальные районы в обычные районы [Игнатова 2005: 18–24].

Подводя итоги исследования, приходим к следующим выводам. С одной стороны, развитие национальностей (в том числе малочисленных и дисперсно расселенных) в рамках своих национальных образований способствовало сохранению малочисленными этническими группами своей национальной идентичности. С другой же стороны, процесс организации советских «малых форм» национальных автономий требовал больших расходов, осуществлялся по льготным нормам, часто пестовал национальный эгоизм, когда представители национальных

меньшинств, незначительные численно и рассредоточенные чересполосно, ставили вопрос о создании своих национальных районов. Территориальное устройство по этнической принадлежности в ряде случаев приводило к культивированию национальной замкнутости, экономической неэффективности и другим негативным последствиям. На наш взгляд, непродуманная национальная политика государства часто сопровождалась завязыванием новых узлов межнациональных противоречий, последствия которых сказались десятилетия спустя.

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Новороссийский филиал государственного архива Краснодарского края (НФ ГА КК).
Российский государственный военный архив (РГВА).
Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК).

Литература

- Борьба за Советскую власть в Абхазии (1917–1921). Сб. документов и материалов. Сухуми: Абгосиздат, 1957. 218 с.
Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае. Екатеринодар: б/и, 1917. 38 с.
Джуха И. Г. Три поражения Сталина в Греции (Причины репрессий против греков в СССР) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международной научной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 310–318.
Игнатова М. Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 27 с.
Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе / под ред. И. И. Минца. М.: Наука, 1988. 264 с.
Кайкова О. К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: Исторический опыт советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 20 с.
Козлов А. И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917–1920 гг.). Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 1972. 166 с.
Кубанец. 1917 и 1918 года на Кубани. Екатеринодар: б/и, 1919. 68 с.

- Кубано-Черноморский настольный календарь на 1922 г.* Краснодар, 1922, 428 с.
- Осадчий И. П.* За власть трудового народа: Историко-документальный очерк о борьбе за власть Советов на Кубани и Черноморье (1917–1920 гг.). Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1987. 272 с.
- Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.)* / сост. А. С. Азаренкова, И. Ю. Бондарь, Н. С. Вергышева. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1986. 396 с.
- Покровский Г.* Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1917–1919 гг.). Берлин: б/и, 1923. 279 с.
- Политические деятели России: 1917.* М.: Большая российская энциклопедия, 1993. 432 с.
- Реут Г.* Мы можем оказаться брошенными на произвол судьбы // Черноморская здравница. 1993. 17 апреля.
- Сенцов А. А.* Развитие российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар: Кн. изд-во, 1994. 252 с.
- Сивков С. М.* Роль немецкого крейсера «Гёбен» в период первой мировой войны в акватории Черного и Средиземного морей (июнь 1918 г.) // Вестник Майкопского ГТУ. 2010. Вып. 3. С. 69–74.
- Скобцов Д. Е.* Три года революции и гражданской войны на Кубани // Кубань. 1991. № 5.
- Скорик А. П., Федина И. М.* Миграционное перемещение армян в кубанские станицы в 1920-е гг.: опыт создания национального района // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 94–100.
- Фельштинский Ю. Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918 г. М.: Терра, 1992. 656 с.
- Хлынина Т. П.* Адыгя в 1920-е годы. Проблемы становления и развития автономии. Краснодар: б/и., 1997. 127 с.
- Хлынина Т. П.* «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3. Краснодар, 2007. С. 96–111.
- Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.
- Цветков В.* Капкан тифлисского коварства. Особенности политического курса Белого движения в отношении Грузии в 1918–1920 годах // Родина. 2008. № 11. С. 7–13.